

После этого в пещере воцарилась тишина, и атмосфера стала немного неловкой.

Бай Цзэ вдруг ужасно захотелось своего телефона.

Через некоторое время он посмотрел на Цзюэ, чьи глаза и черты лица были очень похожи на его собственные, и первым заговорил:

— Ты меня очень боишься?

Цзюэ отвёл взгляд:

— Нет.

Бай Цзэ отчётливо чувствовал настороженность и отчуждённость ребёнка и искренне сказал:

— Я ничего тебе не сделаю.

Цзюэ не слишком доверял словам Бай Цзэ, но всё же тихо угукнул.

— Можешь рассказать мне, что это за место? — спросил Бай Цзэ, а затем обвёл рукой вокруг и уточнил: — Я имею в виду вообще всю эту местность. Или, например, как называется этот лес?

Цзюэ не понимал, почему Бай Цзэ задаёт такие странные вопросы, но всё же ответил:

— Великий шаман говорил, что мы находимся в центре Континента Звериного Бога.

«Континент Звериного Бога».

Бай Цзэ мысленно обдумал это название и снова спросил:

— А другие места? Что на востоке? Западе? Юге? Севере?

Цзюэ покачал головой.

— А кто такой Великий шаман?

— Самый важный человек в племени. Когда мы болеем или получаем ранения, то идём к нему. И жертвоприношения Звериному Богу тоже проводит он.

Услышав это, Бай Цзэ всё понял. Похоже, речь шла о шамане из ранних племенных обществ.

— А ты знаешь, как я оказался в воде?

Цзюэ вспомнил увиденное утром и покачал головой:

— Цин сказал, что, когда увидел тебя, ты уже был в озере.

— Кто такой Цин?

— Друг зверя-папы, спутник Яня.

— А что такое «зверь-папа»? — Вопросы следовали один за другим, и Бай Цзэ самому уже стало немного неловко. Чтобы найти подходящее объяснение, он немного подумал и сказал: — Прости, Цзюэ. Наверное, в воде я ударился головой и теперь вообще ничего не помню.

Цзюэ это объяснение не показалось странным. В конце концов, поведение Бай Цзэ и так говорило само за себя.

— Великий шаман в племени. Я схожу за ним.

— Не надо, со мной всё хорошо. Думаю, через несколько дней всё пройдёт, — поспешно остановил его Бай Цзэ, схватив за руку, и вернулся к прежнему вопросу: — Так что же такое зверь-папа, Цзюэ?

Во взгляде Цзюэ появилось недоумение. Он не знал, как это объяснить.

Бай Цзэ подумал и задал наводящий вопрос:

— «Зверь-папа» — это обращение к человеку, да? Как «а-папа»?

Цзюэ кивнул.

— Тогда кто твой зверь-папа?

— Мо.

— А какие отношения у меня с Мо?

— Вы спутники.

Бай Цзэ, пытавшийся выстроить в голове схему родственных связей, едва не прикусил язык.

— С-спутники?!

— Угу.

Бай Цзэ решил, что ребёнок просто оговорился:

— Цзюэ, ты, наверное, хотел сказать «товарищи»?

Цзюэ серьёзно объяснил:

— Спутник — не товарищ. Вы со зверем-папой спутники, поэтому и родили меня.

— Чего?! Зверь-папа — твоя мама?

Цзюэ решил, что с Бай Цзэ всё очень плохо: тот без конца говорил какие-то странные вещи.

— Нет, я хочу сказать... Ты появился из живота своего зверя-папы?

— Меня родил ты, — ответил Цзюэ. — Каждый детёныш появляется из живота своего а-папы.

Вспомнив всё, что Цзюэ говорил до этого, Бай Цзэ почувствовал, будто у него в голове что-то взорвалось.

Он тревожно переспросил:

— То есть, когда ты говоришь, что я тебя родил, ты имеешь в виду, что ты появился... из моего живота?

Цзюэ кивнул.

— Что?! — Бай Цзэ округлил глаза. — У первобытных людей даже мужчины могут рожать детей?! В учебнике биологии такого не было!

Он машинально потрогал живот.

Господи, только не издевайся надо мной!

Бай Цзэ выглянул к входу в пещеру:

— А когда вернётся твой зверь-папа?

Цзюэ покачал головой:

— Вождь сказал, что место, куда в этот раз отправились зверь-папа и остальные, очень далеко.

И хорошо. По крайней мере, у него появилось время прийти в себя и не пришлось сразу же встречаться со своим так называемым «спутником». Это было бы уже слишком драматично.

— Последний вопрос. — С виду Бай Цзэ сохранял спокойствие, но внутри уже совершенно онемел от потрясений. — Как меня зовут?

— Бай Цзэ.

Вот это да. Даже имя и фамилия совпадают. Неужели именно поэтому небеса и забросили его сюда?..

После всего разговора Бай Цзэ отметил, что ребёнок говорит на удивление по-взрослому, словно настоящий взрослый.

Он не удержался и протянул руку, потрепав Цзюэ по волосам:

— Сколько тебе лет?

Цзюэ машинально сжал звериную шкуру, но ожидаемой боли так и не последовало.

Только щекотно.

Потрепав его по волосам, Бай Цзэ ещё и легонько ущипнул его за щёку.

— Восемь, — ответил Цзюэ.

Очевидно, он совершенно не привык к такому поведению Бай Цзэ, но никак этого не показал.

— Восемь?!

Бай Цзэ думал, что ему всего шесть. Ребёнок был таким маленьким и худеньким, ни на лице, ни на теле почти ни капли мяса, а ему, оказывается, уже восемь лет.

Солнце постепенно скрылось за горой, и вокруг начало темнеть.

Живот Бай Цзэ жалобно заурчал.

— Дома есть что-нибудь поесть? — немного смущённо спросил он.

На лице Цзюэ мелькнуло удивление. Бай Цзэ никогда прежде не называл эту пещеру домом. Стоило ему заговорить о ней, как на его лице неизменно появлялось отвращение.

Решив, что Цзюэ его не понял, Бай Цзэ объяснил:

— Дом — это место, где мы живём.

Цзюэ ушёл в другую пещеру, а когда вернулся, в его руках уже был кусок мяса.

Бай Цзэ было неловко просто сидеть и ждать, пока его накормят, тем более что готовил для него маленький ребёнок. Он подошёл ближе:

— Давай лучше я приготовлю.

Насколько помнил Цзюэ, а-папа почти никогда не готовил. А если и готовил, то только для себя. К тому же еду, приготовленную Бай Цзэ, Цзюэ не осмеливался есть — иначе его снова ждало жестокое избиение.

Цзюэ покачал головой и привычно принялся хлопотать сам.

Он отнёс мясо к каменной ёмкости, промыл водой, положил на каменную плиту и костяным ножом нарезал кусками. Затем сложил мясо в каменный котёл, налил воды, взял миску и, зачерпнув из неё немного белых крупинок, бросил их туда.

Бай Цзэ как раз гадал, как ребёнок собирается разжечь огонь, когда увидел, как Цзюэ присел на корточки, взял два камня и легко чиркнул ими друг о друга. Сухая растительная труха, заранее уложенная в углубление, мгновенно вспыхнула маленьким огоньком.

Вскоре в этом примитивном очаге уже вовсю горел огонь. Цзюэ поставил сверху каменный котёл, сел рядом прямо на землю и молча уставился на пляшущие по дровам языки пламени.

Бай Цзэ заглянул в маленькую пещеру, куда недавно ходил Цзюэ. Внутри было почти пусто:

кроме дров, на огромной деревянной полке лежали лишь два куска очень жирного мяса.

Вода в каменном котле закипела. Белый пар поплыл наружу через вход в пещеру и круглые вентиляционные отверстия, выдолбленные в каменной стене.

Бай Цзэ подошёл ближе:

— А что это за мясо?

Цзюэ даже головы не поднял:

— Хрюкающего зверя.

— Хрюкающего зверя? — Бай Цзэ не удержался от смеха. — А названия вы придумываете довольно милые.

Бай Цзэ невольно пару раз хрюкнул и, изобразив свинью, вдруг замер.

Так этот хрюкающий зверь — свинья?

Хотя в первобытном лесу это наверняка не современная чистенькая розовая свинка, а с большой вероятностью какой-нибудь невероятно свирепый и brutальный дикий кабан.

Цзюэ несколько раз помешал мясо деревянной палочкой, ещё немного подождал, а затем разлил еду по мискам и отнёс их на каменный стол.

Глядя на полную миску мяса перед собой, Бай Цзэ испытал смешанные чувства.

А у ребёнка напротив в миске был почти один бульон.

Заметив, что Бай Цзэ смотрит на его миску, Цзюэ молча взял палочки и переложил к нему несколько кусочков мяса, что у него были.

— Ты что делаешь? — Бай Цзэ поспешно его остановил и заодно поменял их миски местами.

Цзюэ посмотрел на Бай Цзэ очень странным взглядом.

— Цзюэ, я раньше очень плохо с тобой обращался? — осторожно спросил Бай Цзэ.

Цзюэ ничего не ответил, лишь опустил голову и продолжил есть.

Похоже, это означало «да».

Хотя всё это делал не он, при виде осторожного и встревоженного ребёнка Бай Цзэ почему-то всё равно стало тяжело на душе.

Он очень серьёзно сказал:

— Цзюэ, я ничего не помню о прошлом, но обещаю тебе: больше я никогда не буду так с тобой обращаться.

Цзюэ опустил голову ещё ниже.

Бай Цзэ понимал, что за один день ничего не изменить, поэтому больше ничего не сказал.

В пещере снова воцарилась тишина.

Он поднял миску и сделал всего один глоток, как рот мгновенно наполнился сильнейшим запахом сырого мяса. В следующую секунду Бай Цзэ скривился и выплюнул весь бульон.

Цзюэ тут же поднял голову и напряжённо сжал палочки.

— Всё хорошо, всё хорошо. Просто слишком горячо, — поспешно объяснил Бай Цзэ.

Он посмотрел на Цзюэ, который ел с явным удовольствием, и решил, что проблема, наверное, в нём самом.

подавляя тошноту, Бай Цзэ взял палочками кусок белого мяса, положил в рот и едва успел откусить, как желудок снова взбунтовался.

Жирное и вонючее.

— У-уф...

Бай Цзэ действительно не мог это проглотить. Он отложил палочки и с невероятной тоской вспомнил свой хого и малатан.

Увидев, что Бай Цзэ положил палочки, Цзюэ тоже перестал есть и, затаив дыхание, приготовился к его гневу.

— Ты... мы обычно только такое и едим? — тихо спросил Бай Цзэ.

— Дома осталось только это мясо, — ответил Цзюэ, немного помолчал и добавил: — Соль тоже почти закончилась, а когда вернётся зверь-папа, неизвестно.

Бай Цзэ вздохнул. Другая эпоха — всё понятно. Но эту еду он действительно не мог есть.

— Дома есть ещё один кусок мяса. Его можно пожарить, — сказал Цзюэ.

Бай Цзэ поднялся:

— Давай я.

Он отправился в кладовую, достал ещё один кусок жирного мяса, много раз промыл его водой, а затем положил на каменную плиту, собираясь нарезать тонкими ломтиками.

Каменным ножом пользоваться было неудобно. Бай Цзэ сменил его на нож из раковины, и дело сразу пошло гораздо легче. Он невольно восхитился мудростью предков.

Бай Цзэ тщательно вымыл каменный котёл и собрался разжечь огонь, однако сколько ни пытался, не сумел высечь даже крошечной искры.

Ничего не оставалось, кроме как обратиться за помощью к Цзюэ.

Ребёнок действовал ловко и быстро: мигом развёл огонь, а затем остался рядом подбрасывать дрова.

— Всё хорошо, иди поиграй. Я сам справлюсь.

Цзюэ вернулся к каменному столу. Еда была слишком драгоценна, чтобы её выбрасывать.

Бай Цзэ положил нарезанное жирное мясо в разогретый каменный котёл и принялся непрерывно помешивать. На дне постепенно появился золотистый жир, пузырьков становилось всё больше, а кусочки сала медленно подрумянивались. Вскоре пещеру наполнил густой, насыщенный аромат топлёного жира.

Цзюэ посмотрел в сторону входа в пещеру, а затем снова молча продолжил есть содержимое своей миски.

Когда жир в котле стал золотистым, Бай Цзэ погасил огонь, деревянными палочками переложил шкварки в миску, а вытопившийся жир слил в другую, побольше.

Он попробовал шкварку — наконец-то вкус нормальной еды.

Бай Цзэ облегчённо выдохнул, посыпал шкварки солью, разделил их на две порции и одну поставил перед Цзюэ.

Цзюэ посмотрел на еду и сглотнул, но палочки так и не поднял. Он даже не притронулся к миске мяса, которую Бай Цзэ раньше поменял с его собственной.

Бай Цзэ сел рядом и подвинул к нему миску:

— Ешь вот это.

— Мне? — неуверенно спросил Цзюэ.

— Конечно. Скорее попробуй.

Каким бы взрослым он ни казался, он всё-таки оставался ребёнком. Цзюэ взял палочками кусочек, сунул в рот — и его глаза мгновенно засияли. Это выражение тут же исчезло, но Бай Цзэ всё равно успел заметить.

— Вкусно? — спросил он.

Цзюэ кивнул.

Бай Цзэ улыбнулся:

— Вся эта миска твоя.

Затем он нарезал тушёное Цзюэ мясо на кусочки поменьше и заново обжарил его в только что вытопленном жире.

Мясо оказалось невероятно ароматным. Цзюэ казалось, что ничего настолько вкусного он ещё никогда не ел. И всё же брать много он не осмеливался. Лишь когда Бай Цзэ сам разделил мясо на порции, Цзюэ наконец решился есть вволю.

Глядя, как ребёнок перед ним жадно уплетает еду, Бай Цзэ почувствовал, как сердце сжимается от жалости. Неудивительно, что тот такой маленький и худой. В возрасте, когда организм растёт, он и питался плохо, и досыта не наедался — откуда тут взяться мясу на костях?

Аппетит Цзюэ превзошёл все ожидания Бай Цзэ: две трети всей еды за этот раз съел именно

он.

Бай Цзэ боялся, что ребёнок обьестся, и несколько раз спрашивал, не стало ли ему плохо.

После еды Бай Цзэ ещё не успел подняться, как Цзюэ уже собрал со стола миски, палочки и использованный котёл и принялся мыть их у входа в пещеру.

Бай Цзэ прислонился к каменной стене и вдруг подумал, что иметь такого сына, пожалуй, не так уж плохо.

Ведь в прежнем мире после смерти бабушки у него больше не осталось ни одного родного человека.

<http://bllate.org/book/19912/2086550>